
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 15.

АВГУСТЪ. 1821.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
ПРОЗА.  
~~~~~

Д ж я ч р ъ (*).

Отрывки 1) изъ одной Турецкой повѣсти.
Соч. Лорда Байрона.

Повѣсть, откуда взяты предлагаемые здѣсь отрывки, содержала въ себѣ приключенія молодой невольницы, которую господинъ ея, по Турецкому обычаю, велѣлъ бросить въ море, какъ нарушительницу вѣрности. За нее опомсидъ Венеціанинъ, бывший ея любимцемъ. Венеція владѣла тогда Цикладскими островами. Незадолго передъ тѣмъ Рускіе покорили было Морею, выгнавши изъ полуострова Арнаушовъ; сихъ жестокихъ опустошителей: но Майношамъ не дозволено было ограбить городъ Мизиспру, и епо основило успѣхъ предпріянія. Непосредственно за тѣмъ Морея сдѣлалась шеашромъ всѣхъ ужасовъ военныхъ. Соч.

(*) Значитъ невѣрный. Турки такъ называютъ хрістіанъ.

№ 15.

Л

Ниже легчайшимъ дыханіемъ зефира
вепеспрятся валы, гордо разспилающіеся
подъ утесомъ, гдѣ покоится прахъ Ари-
стидова соперника. Памятникъ великаго
мужа господствуетъ надъ странною, кото-
рую нѣкогда рука его спасла отъ ига Пер-
совъ. Издалека замѣчается онъ плавате-
лемъ, вводящимъ ладію свою въ пристань.
Когда увидимъ другаго Фемистокла? . . .

Климатъ прекрасный! Тамъ каждая
пора года улыбкой своею благопріятству-
етъ симъ плодоноснымъ островамъ, кото-
рые, открываясь взору съ выси въ *Ко-
лонны* (*), восхищаютъ душу и погружа-
ютъ ее въ сладостную задумчивость!

Океанъ въ сихъ мѣстахъ дивится по-
верхности водъ, едва колеблемой волнами,
въ которыхъ отражаются вершины горъ,
въвѣчающихъ сія острова счастливые. Исне-
спрился ли мгновеннымъ порывомъ въперка
лазуревый кристаллъ моря, отдѣлился ли
имъ цвѣтокъ отъ своего стебля: потѣ же
зефиръ на крыльяхъ своихъ мгновенно раз-
носитъ по окрестностямъ пріятнѣйшій
запахъ. Именно здѣсь, на здѣшнихъ хол-
махъ и долинахъ, соловей бываетъ любов-
никомъ розы (**). Для сей-то несравненной

(*) Мысль *Колонна*; въ древности назывался
онъ *Сунійскимъ* (Suniun).

(**) На Востоку очень извѣстна басня о люб-
ви соловья и розы.

красавицы пѣвецъ ночи сочиняетъ нѣжныя свои аріи, и спрасстно любимая роза, царица садовъ, съ румянцемъ спыдливости внимаеъ пѣснямъ пламеннаго чувства; далеко отъ аквилоновъ и сѣтговъ сѣверныхъ она цвѣтеетъ подъ ласкающимъ дыханіемъ весеннихъ зефировъ; признапельная къ щедрымъ дарамъ Природы, она испаряетъ благоуханіе, какъ еиміамъ благодарности, и блистая богатствомъ убора, въ свою очередь украшаетъ климатъ, ей покровительствующій. Есть множество и другихъ цвѣтовъ, копорыми испещрены памошнія долины. Тѣнь рощицъ приглашаетъ любящихся подъ ихъ свѣжія вѣтви; прохладныя группы представляютъ имъ скромное убѣжище: но, ахъ! они же служатъ вертепомъ для разбойника, скрывшаго лядю свою подъ навѣсомъ скалы и подсперегающаго, не явился ли мирный плаватель на морѣ. Звѣзда вечерняя засвѣпилась, раздаеъся цитра веселаго мапроса; ночной шашъ поспѣшно разсѣкаетъ влагу и быстро нападаеъ на безпечную свою добычу: веселые звуки смѣняюъся горестнымъ стономъ 2).

Плачевенъ жребій страны, копорую Природа сотворила достойною бытъ обиталищемъ боговъ, и копорую щедро украсила своими дарами! Надобно ли, чътобъ испребитель — человекъ, угожда своей

лишь волѣ, райскія мѣста сіи превращалъ въ дикую пустыню? Надобно ли, чтобы онъ попиралъ ногами блестящія цвѣты сіи, не требующіе трудовъ, неорошаемые потомъ чела его, распушіе для его удовольствія, — цвѣты, которымъ нужна одна лишь его пощада?

Почто же въ такомъ климатѣ, гдѣ все дышетъ спокойствіемъ и блаженствомъ, почто спрасити свирѣпствуютъ съ лютою яростію? почто грабительства и убійства господствуютъ надъ очаровательной страной? Взвизывая на ужасную карпину, вы подумаете, что адскіе духи испорглись изъ заклеповъ шартара, одолѣли вѣрныхъ серафимовъ, и гордо возсѣли на престолахъ неба! Въ такомъ состояніи счастливая страна Грековъ, и шаково ненавистное тиранство опустошающихъ ее варваровъ!

Обращалъ ли кто взоръ свой на женщину, недавно умершую? Въ первый день смерти, въ сей день, когда вмѣстѣ съ жизнію кончались все опасности и скорби, но когда рука плѣнія еще не коснулась къ чертамъ лица, которыхъ красота сохраняется и послѣ роковаго вздоха, замѣчали вы сей видъ ангельскаго спокойствія, сію восхищительную безмятежность, сей слабый, но вѣжной румянецъ, которой мѣшается съ томной блѣдностію на непо-

движныхъ ланипахъ? Ахъ, сія печально закрытыя очи уже немещутъ болѣе спрѣль огненныхъ, уже непоражаютъ сердецъ, непроливаютъ слезъ, и оледенѣвшее чело возбуждаетъ трепетъ въ сердцѣ плачущаго наблюдателя, которой, по видимому, боится, чтобы смерть и его не заразила. Но еще нѣсколько минутъ. . . Ахъ . . . какъ непродолжительны сія минуты! Еще одинъ часъ, и всѣ недоумѣнія исчезнутъ; въ продолженіе сего краткаго времени еще нехочетъ онъ вѣрить, что судьба рѣшительно произнесла приговоръ свой, созерцающая такую крошечность, такое спокойствіе въ послѣднемъ выраженіи сей головы бездушной 3).

Таковъ видъ сего берега: ето Греція, но Греція уже не живая. Ледяное спокойствіе, мертвая красота ея возбуждаетъ въ насъ трепетъ. Она тѣло безъ души; въ ней сохранилась еще та прелесть, которая не совсѣмъ исчезаетъ съ дыханіемъ жизни; но печальная красота ея предсавляетъ унылымъ взорамъ однѣ лишь могильныя краски: ето послѣдній лучъ умирающаго сіянія, огонекъ носящійся надъ развалинами, послѣдняя мысль исчезнувшаго чувства, искра огня небеснаго, еще свѣщая, но уже несогрѣвающая любимой земли своей.

Опечество храбрыхъ, которыхъ память пощажена сшольшіями! . . . спрана,

гдѣ и равнины полей и пещеры горъ были
убѣжищемъ свободы, или могилою славы!
священный храмъ геройства! что́ осталось
опѣ своего величія? Скажите, пресмыкаю-
щіеся невольники, не здѣсь ли Термопилы?
Выродки свободного народа, скажите, какое
шамъ море? какой здѣсь берегъ? Не епо
ли заливъ, не епо ли скала Саламины? Да
будушъ же мѣста знаменитыя снова оше-
чешвомъ Грековъ! Возстаньте и вспомни-
те подвиги опцевъ вашихъ! Во прахъ мо-
гилъ ихъ опѣшите искры огня, колпорымъ
сердца ихъ пламенѣли! Кто изъ васъ по-
гибнетъ въ битвахъ благородныхъ; того
имя присоединится къ именамъ безсмерт-
ныхъ предковъ, и оно будетъ ужасомъ
тирановъ! Герой сынамъ своимъ оставитъ
славную надежду послѣдовать родителю, и
они въ свою чреду предпочтутъ смерть
позору: дѣло правое, независимость оспа-
вленная опцами дѣшамъ въ наслѣдственное
доспоянїе, рано или поздно воспоржешву-
етъ. Сїя истина засвидѣтельствована без-
смертными скрижалями своихъ лѣтописей,
о Греція! лѣтописей, передъ коими спо-
лѣтїя благоговѣютъ. Между пѣмъ какъ де-
споты, мракомъ вѣковъ скрываемые, оставля-
ютъ по себѣ однѣ лишь безвѣнные пира-
миды, сіе время, разрушившее колонну, воз-
двигнутую надъ могилою своихъ героевъ,
сохранило имъ памятникъ, превышающій

величіемъ своимъ всѣ прочіе памятники — горы опечествленной земли ихъ. На нихъ Муза пвоя указываетъ чужеземцу, какъ на гробницы безсмертныхъ.

Кто расскажетъ намъ продолжительную и печальную исторію о помраченномъ пвоемъ величіи? Ахъ! по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ внѣшнихъ враговъ пвоихъ не могъ хвалиться одолѣніемъ пвоей храбрости: пвы сама ослабла, унизилась и подклонила выю подъ иго деспотовъ.

Что́ можешь рассказывать спранникъ, посѣщающій берега пвои въ настоящее время? Представишь ли ему хоть одну изъ повѣстей древнихъ временъ своихъ, которая наполнила бы восторгомъ его душу? Будетъ ли онъ способенъ издавать согласные звуки, достойные пвой Музы, которая воспѣвала подвиги сыновъ пвоихъ, когда пвы сама еще раждала мужей, достойныхъ Греціи?

Люди, возросшіе въ пѣхъ же долинахъ, сіи люди, которые могли бы пламенѣть огнемъ высокаго геройства, нынѣ робкіе обитатели, невольники другаго невольника, пресмыкающся отъ колыбели до могилы... 5).

Происшествіе, которое рассказать предпринимаю, случилось въ ихъ опечествлѣннѣ; оно печально, и никто не откажетъ

ся мнѣ повѣришь, что слушавшіе въ первый разъ мою повѣсть, слушали ее со слезами.

Огромный утесъ, бросающій пѣны свою на волны, издали походилъ на ладью морскаго разбойника или вѣроломнаго Майнопа. Спрашась коварной засады, онасясь утрашишь свою лодочку, рыболовъ никогда не пристаетъ къ сей губельной бухтѣ; ушомленный счастливою работою, медленно гонитъ онъ нагруженное добычею судно и правитъ его къ Леонской пристани, къ берегу болѣе надежному; ему благопріятствуетъ свѣтило, украшающее ночи въ спранахъ Воспока. . . .

Кто сей всадникъ, скачущій изъ всей силы? Вороной конь его неуступаетъ гребену чернымъ своимъ цвѣтомъ; подобно перекашамъ грома надъ долинами, спукъ быстраго бѣга вдали впорится ехами грошовъ; пѣна удилъ его бѣлѣ пѣны волнъ разъяренныхъ. Тишина господствуетъ на равнинахъ Океана; но далекъ покой отъ сердца швоего, юный Джяуръ! Къ завтрашнему дню буря готовишься нарушишь молчаніе влажной стихіи; но въ груди швоей свирѣпствуютъ буря, еще болѣе ужасныя. Я незнаю шебя, ненавижу землю, гдѣ ты родился; но я узнаю на лицѣ швоемъ черты, которыхъ время немогло изгладить; несмотря на молодость швою и блѣдность,

тело твое показываетъ слѣды страстей
пламенныхъ, уже пожиравшихъ твою душу;
свирѣпый взоръ твой устремленъ къ землѣ,
и быспрый бѣгъ подобенъ метеору зло-
вѣщему; но я вижу въ тебѣ одного изъ не-
вѣрныхъ, котораго сыны Магомедовы дол-
жны бы предать смерти или извергнуть
вовнѣ изъ среды своей.

Изумленные взоры мои долго слѣдовали
за быспрымъ всадникомъ, и хотя скоро ис-
чезъ онъ подобно призраку ночи, но видѣ
его остался напечатлѣннымъ въ душѣ мо-
ей какъ темное воспоминаніе, и эхо, по-
вторявшее скоки борзата живописнаго, долго
еще отзывалось въ моемъ слухѣ. Онъ про-
бѣжалъ мимо сего огромнаго камня, выдав-
шагося надъ бездною моря, и въ скоромъ
времени скрылся за утесомъ: всякой не-
знакомецъ ненавиденъ тому, кто скрываетъ
себя отъ человѣческихъ взоровъ, и
убѣгающій въ часы полуночи проклинаетъ
сіяніе всѣхъ свѣтилъ небесныхъ. Исчезая,
онъ оборотилъ голову, какъ бы съ намѣре-
ніемъ взглянуть въ послѣдній разъ; удер-
жалъ коня своего, вдругъ поднялся, спав-
ши въ спременахъ прямо ногами. . . Чего
ищутъ глаза его въ оливной рощѣ? Мѣсяцъ
свѣшилъ надъ холмомъ; лампы въ мече-
тяхъ еще непогасли; эхо не повторяетъ
слишкомъ отъ него далекихъ радостныхъ

выстрѣловъ изъ ружей: но онъ могъ усмотрѣть внезапной блескъ воспаленнаго пороха, ибо нынѣшнимъ вечеромъ закапилось послѣднее солнце Рамазана, и въ сію же ночь начинается Байрамъ для вѣрныхъ мусульмановъ 5). . . . Но кто ты? чѣмъ сдѣлалъ ты, чья одежда показываешь чужеземца? Опъ чего взоры твои споль свирѣпы? чѣмъ тебѣ до мечетей и до праздниковъ нашихъ? . . . Какой-то ужасъ мгновенно показался на лицѣ его, на которомъ въ пужь минуцу изобразилась рѣшительная ненависть — изобразилась не яркою внезапною краской гнѣва кратковременнаго, но блѣдностію мрамора, при бѣлизнѣ котораго мракъ могилы представляется еще болѣе печальнымъ. Голова его поникла и взоръ казался оледенѣлымъ; онъ поднялъ вверхъ руку, сдѣлалъ ею угрожающее движеніе; казалось, размышлялъ, бѣжалъ ли впередъ, скакалъ ли въ пущь обратный; но онъ услышалъ ржаніе чернаго коня своего, дрожащаго опъ неперпѣнія, и рука его упала на ефесъ сабли; ржаніе разсѣяло мгновенную задумчивость: такъ нарушается внезапно сонъ злодѣйскимъ крикомъ ночной птицы.

Джяуръ вонзаетъ шпоры и вспрыгнувшій конь помчался съ быстротою *Джеррида* 6), брошеннаго смѣлою мышцею. Онъ

вроскакалъ мысѣ; ничто непрерываетъ молчанія на берегу моря; невиднo уже гордой головы хрістіанина; а онъ оспановился на минушю, и вдругъ ринулся съ чрезвычайной быстротою, точно какъ бы отъ преслѣдующей смерти: епошь мигъ былъ для души его годами воспоминаній, цѣлою жизнью скорби и цѣлымъ вѣкомъ преступленій. Для мучимыхъ любовью, ненавистію, спрахомъ подобныя минушы представляють въ одной почкѣ всѣ огорченія минувшаго времени: и Джяуръ, чего не испыталъ онъ въ сей мигъ размышленія о самомъ себѣ? Сей мигъ, ничтожный въ сравненіи съ каждымъ возрастомъ, показался ему вѣчно-стію.

Далеко ли Джяуръ? Одинъ ли ускакалъ онъ? Чшó онъ сдѣлалъ? Да будетъ проклятъ день его прибытія и его бѣгства! По грѣхамъ Гассана великолѣпный домъ его превратился въ могилу; Джяуръ примчался какъ *Симунъ* (*), какъ сей предпеча опустошеній и смерти, кошораго пагубное дыханіе испребляешъ все, даже кипарисъ, даже сіе печальное дерево, переживающее всѣ прочія, сего вѣрнаго друга людей умершихъ, печально высащагося надъ памятниками смерти.

(*) Вѣтеръ, гибельный для каравановъ.

Спойла Гассановы опустились ; въ пышномъ дворцѣ его вѣтъ уже невольниковъ ; уединенный паукъ распилаетъ сърую пикань свою по стѣнамъ комнатъ ; немопырь снаряжаетъ гнѣздо себѣ подъ сводами гарема , и сова завладѣла башнею ципадели ; дикій песъ , мучимый жаждою и голодомъ , приходитъ выпить на берегу высохшаго бассейна , коего мраморное дно уже болѣе непокрывается пропочною водою ; на немъ , среди сухой пыли , прорастаетъ колючій репейникъ . Было счастливое время , когда чистая , прохладная влага , распространяя свѣжестъ въ воздухъ и въ зелени пахучаго дерна , возносилась сполбомъ серебрянымъ , чпобы низпадать въ брызгахъ каплями подобно росѣ благотворной ! Отблески звѣздъ сверкали въ семъ кристальномъ зеркалѣ , и очаровательный шумъ водомета сладостно прерывалъ молчаніе ночи .

Сколько разъ Гассанъ въ младенчествѣ своемъ игралъ на берегу сего фонтана ! Сколько разъ гармоническій шумъ бѣгущей воды усыплялъ опрока на рукахъ его матери ! Здѣсь , близъ сего же мѣста прелестнаго и пѣсни одалискъ наполняли воспоргомъ душу Гассана въ юношескія лѣта его , и голоса ихъ казались еще прияпше , мѣшаясь съ журчаніемъ потока ,

Но Гассанъ во дни старости своей уже забудетъ вкушать здѣсь сладость сна

въ часъ разсвѣта: источники водъ сихъ изсякли, и собишвенная кровь болѣе уже не течетъ въ его жилахъ; никакой голосъ удовольствія, жалости, гнѣва уже въ садахъ сихъ не раздается.

Послѣдніе, повпоренные ехомъ, звуки были гореспные вопли опчаянной женщины! Съ тѣхъ поръ ничто ненарушаетъ угрюмой тишины въ семъ обшалищѣ пустынномъ, кромѣ лишь шума, производимаго въпромъ, когда порывы его успремляются на опворенныя окна. Пускай свирѣпствуютъ бури, пускай дождь льется потоками: никто не помыслилъ о безопасности замка, ни чья рука не затворитъ дверей въ немъ.

Путникъ, спранспвующій по пустынѣ, обрадовался бы, нашедши слѣды, напечатлѣнные на песокъ стопами дикаго; такъ и постъпитель дворца Гассанова съ радостію вспрѣпилъ бы здѣсь даже голосъ несчастія. По крайней мѣрѣ оно бы ему сказало: „ты не одинъ въ семъ мѣстѣ; другое существо, подобно тебѣ, пользуется даромъ жизни.“ Позлащенная внушренность многихъ покоевъ свидѣтельствуетъ еще о прежнемъ великолѣпіи. Сила разрушенія медленно дѣйствуетъ на сіи мраморныя своды; но ужасъ, по видимому, не опхсидилъ опъ вѣшняго порога: даже факиръ

не дерзнул бы искашь здѣсь убѣжища, и спранствующій дервишь не остановился бы у дверей дома, не нашель бы въ немъ ни подаянїя, ни гостепрїимства; ни одна рука дружелюбная не поднесла бы хлѣба и соли пупнику упомянутому 7). Богатый, бѣдный равно убѣгають опѣ опустѣвшаго жилища.

* Щедрость и соспранданіе изгнаны отсюда съ тѣхъ поръ, какъ Гассанъ погибъ между горами. Кровь, служившій вѣкогда убѣжищемъ человѣку, содѣлался мрачнымъ вертепомъ божества развалинъ.

Прежніе обитатели замка разбѣжались, а принадлежащіе къ нему земледѣльцы оставили поля свои съ тѣхъ поръ, какъ Джяуровъ мечъ разсѣкъ голову Гассана. 8).

(Будетъ продолженіе.)

П р и м ѣ ч а н і я .

- (1) Нужно замѣтить для читателя, что своенравный геній Байрона умышленно представилъ свою повѣсть въ видѣ развалинъ, назвавъ ее *отрывками Раръ*.
- (2) Въ тихую прекрасную ночь весьма часто случается на открытомъ морѣ слышать гармоническіе звуки цитры, любимого ин. струннаго Греческихъ мореходцевъ. Подъ цитру также поють и пляшуть. Соч.

- (3) Лордъ Бейронъ замѣчаетъ, что на лицѣ умершаго нѣсколько часовъ сряду послѣ кончины сохраняется еще сія неизъяснимая красота и выраженіе, которыя переживаютъ самую жизнь человека. Нѣктопорымъ, бывшимъ свидѣтелями смерти друга, извѣстна сія истина.
- (4) Аѣины суть собственность Кизляръ-Аги, или начальника черныхъ евнуховъ Султанскихъ. Онъ назначаетъ и *воеводу!* Такимъ образомъ евнухъ серала *управляетъ правителемъ* Аѣинъ!
- (5) *Рамзанъ* — постъ, *байрамъ* — карнавалъ у Турковъ. Байрамъ возвыщается пышнымъ выстрѣломъ при захожденіи солнца. Ночью въ мечеяхъ горятъ огни, и начало праздника сопровождается выстрѣлами изъ орудій всякаго рода.
- (6) *Джерридъ* или *жерредъ* есть пушное копье, которыми всадники бросаютъ въ цѣль съ великимъ напряженіемъ и всегда съ удивительною точностію. Это любимая забава Турковъ.
- (7) Если вы были участникомъ прапезы хозяина, если получили *хлѣбъ и соль* изъ рукъ его; то особа ваша для него священна, хотя бы даже онъ узналъ въ васъ своего нецряшеля.
- (8) Любовь къ ближнему и сосраданіе суть главныя обязанности каждаго мусульманина, предписанныя Магомешомъ. Желая похвалить Турецкаго вельможу, обыкновенно сперва говорятъ о его щедрости, а потомъ уже объ его мужествѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 16.

АВГУСТЪ. 1821.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Д ж я ч р ъ.

(Продолженіе.)

Толпа Мусульманъ приближается; мнѣ слышенъ ихъ пошопъ: но никакой голосъ непоражаетъ моего слуха. Мусульмане подходятъ; уже могу различить на каждомъ изъ нихъ чалму и серебряныя ножны кинжала (9). Зеленая одежда начальника ихъ знаменуешь Емира (10). „Кто ты?“ закричалъ онъ. — „Мое почтительное привѣщаніе (11)“ отвѣчалъ я „покажешь вамъ, что я принадлежу къ снмамъ Пророка; ноша, кошорая при васъ, и кошорую бережете вы съ такимъ щціаніемъ, должна бытъ драгоценною вещью. Охотно предлагаю вамъ свою лодку; на ней можете переправиться на другую сторону залива.“ — „Хорошо!“ сказалъ Емиръ: „отвяжи ладью и плыви съ нами вдаль отъ берега;

№ 16.

С

не опускай паруса, и налягай на весла; ты должен остановиться тамъ, посреди успехов, представляющихъ подобие бассейна между волнами. . . Довольно! можешь теперь дать отдыхъ рукамъ своимъ; уже мы на мѣстѣ.

И ноша, брошенная въ бездну морскую, мало по малу исчезла; волна медленно спустилась къ берегу; наблюдательному взору моему показалось нѣчто движущееся на лазуревой равнинѣ. . . Мѣсяцъ однимъ только лучемъ своимъ озарялъ колеблющуюся поверхность; я смотрѣлъ, пока брошенный предметъ совсѣмъ не исчезъ, какъ исчезающій вертящійся камень, оставляя по себѣ кругъ едва примѣтный, который спѣсняется мало по малу, и наконецъ превратившись въ пятно бѣловаго цвѣта, мгновенно скрывается отъ взоровъ. Тайна сего происшествія погрузилась въ океанъ; объ ней знаютъ одни лишь подводные духи; но, объятые ужасомъ въ коралловыхъ своихъ гротахъ, и они не дерзнули вѣришь ее волнамъ поверхности.

На зеленыхъ лугахъ Кашемирскихъ дитя преслѣдуешь несравненную царицу бабочекъ восточныхъ; она садится на цвѣтокъ, и младенецъ почитаетъ ее уже своею добычей: сердце въ немъ пренещетъ, онъ простиратъ дрожащую руку; но бабочка

взмахиваетъ лазуревыми своими крыльями, улетаетъ, и юный ловецъ со слезами въ очахъ остаётся на мѣстѣ. Не такъ ли красавица, подобно бабочкѣ прелестная и рѣзвая, играешь желаніями возмужавшаго дитяши? и его забота не состоить ли изъ тщетныхъ надеждъ, опасеній, невѣроятности ли начинается, а оканчивается слезами? Но равное бѣдствіе угрожаетъ и насѣкомому и юной красавицѣ, утратившимъ свободу: жизнь горестней ожидаетъ ихъ; прости миръ и счастье сердца; одно становится игрушкою дитяши, другая плачетъ, жертва прихотей мужчины. Предметъ драгоценный, предметъ, котораго ищутъ съ пламеннымъ неперпѣніемъ, лишается всей цѣны своей, когда его получили; съ каждымъ прикосновеніемъ ласкающей руки блекнутъ яркія, восхитительныя краски, и блескъ ихъ исчезаетъ; тогда обоимъ даютъ свободу улетѣть или упасть на землю. Но гдѣ, въ какомъ мѣстѣ объ сіи жертвы найдутъ себѣ убѣжище? У одной изорваны крылья, сердце другой обливается кровью! Можетъ ли бабочка порхать, какъ прежде, отъ нарцисса къ розѣ? Кто возвратитъ юной дѣвицѣ сладоспныя упѣхи невинности? Ахъ, ни одно сострадательное насѣкомое крылышко своимъ неприкроетъ умирающаго! Красавица извиняетъ единственно свои

лишь погрѣшности; всѣ несчастія чужія прогають ея душу, но ни одной слезы непрольешь она о спыдѣ обольщенной подруги.

Сердце, изнуренное угрызениями совѣсти, подобно скорпіону, со всѣхъ сторонъ огнемъ пѣснимоу; кругъ суживается по мѣрѣ пого, какъ распостраняется пламя. Уже близкій жаръ поражаетъ его жестокою болью; уже муки его превращаются въ бѣшенство, и насѣкомое прибѣгаетъ къ послѣдному средству: ядовитое жало, на пагубу врагамъ употребляемое, никогда неязвило безъ роковыхъ послѣдствій. Скорпіонъ обращаетъ его противъ самаго себя, и всѣ муки свои прекращаетъ въ одно мгновеніе; такъ и человекъ виновный оканчиваетъ дни свои, если не хочетъ оспаваться живымъ среди пожирающаго пламени, какъ злобное насѣкомое; такъ истребляется и человекъ, преслѣдуемый совѣстію; земля отвергаетъ его, небо для него закрыто, мракъ господствуетъ надъ его головою; подъ ногами своими онъ видитъ бездну опчаянія; его окружаетъ пламя, и смерть гнѣздится въ его сердцѣ (12)...

Мрачный Гассанъ убѣгалъ своего гарема; прелести красотъ уже не пѣвляли его взоровъ; звѣркая ловля ежедневно привлекала

его въ дубраву; но душа его неучаствовала въ удовольствіяхъ звѣроловства. Гассанъ не убѣгалъ такимъ образомъ, когда Леила обижала въ его сераль . . . Развѣ не шамъ уже Леила? Одинъ Гассанъ могъ бы намъ сказать объ ешомъ. Спранная молва носилась въ городѣ; утверждали, что Леила убѣжала ночью при концѣ Рамазана, въ самое время, когда сіяніе тысячи ламъ возвѣщало съ высоты минаретовъ о наступающемъ Байрамъ для всѣхъ спранъ, гдѣ поклоняющіяся пророку. Леила сказывала о себѣ, что идетъ въ мыльню; Гассанъ искалъ ее шамъ, но тщетно: переодѣвшись молодымъ Грузинцемъ, она обманула всѣхъ спражей; презирала гнѣвъ своего власпелина, уже находясь въ объятіяхъ клятвопреступнаго Джяура.

Гассана беспокоили шайныя предчувствія; но Леила казалась такою нѣжною, она любила такую спраспную любовь, что влекомый излишнею довѣренностію къ прекрасной невольницѣ, конечно заслужившей смертную казнь своею измѣной, въ самой день ея бѣгства онъ ходилъ въ мечеть на моливу, ходилъ въ кіоскъ для препровожденія времени.

Такъ по крайней мѣрѣ говорятъ его черныя Нубійцы, впрочемъ весьма спрое, неусыпные блюстители гарема; другіе увѣ-

ряютъ, что въ ту же самую ночь, при блѣдномъ свѣтѣ *фингари* (*), видѣли Джаяра, на черномъ конѣ своемъ во всю прышь скакавшаго вдоль по берегу моря; но при немъ не было ни Грузинца, ни юной дѣвицы.

Какъ описать прелести черныхъ очей Лейлы? Въ очахъ серны нѣтъ ни той красоты, ни того очаровательнаго изнеможения; но око Черкешенки сверкало подобно рубину *Джамшида* (13), и душа изображалась въ каждомъ изъ ея взглядовъ. О Магомедъ! ты немогъ бы помыслить, чтобы столь совершенная красавица была только лишь горстью бренной глины: *Лейла имѣла душу*, и я дерзну повторить слова сіи даже среди ужаснаго *Алзира-та* (14), по которому будемъ переходить черезъ огненное море. Я готовъ утверждать то же въ преддверіи самаго рая, когда небесныя Гуріи спавупъ призывать меня въ свою обитель. Кто видѣлъ Лейлу, тотъ перестанъ вѣрить, что женщина есть одинъ лишь прахъ ничтожный, плѣнное игратище прихопѣй мущины (15). Изумленные муфтіи признались бы, что лучъ божества сверкалъ подъ ея длинными рѣсницами. Румянецъ лавилъ ея спорилъ

(*) Ели Фебеля или луна у восточныхъ народовъ.

съ багрянѣмъ цвѣтомъ гранаша; волосы, подобно нависшему стеблю гіацинта, падали къ снопамъ ея, бѣлымъ какъ снѣгъ, еще не коснувшійся поверхности горъ, еще не утрапившій бѣлизны своей отъ смѣшенія съ землею.

Величественно плывесть лебедь по водѣ прозрачной: такъ выступала прекрасная Черкешенка среди служащихъ ей женщинъ, надъ которыми возвышалась она всею головою. Ничего прелестнѣе, очаровательнѣе Лейлы не выходило изъ Франгеспана (*).

Гордо поднимаетъ лебедь вздувшійся гребень свой и роскошнымъ крыломъ бьетъ воду, когда человекъ подходитъ въ берегу его владѣнія: такова полноща округлостей, такова бѣлизна выи у Лейлы; съ такою важностію прешипъ она взгляду нескромному, дерзнувшему остановиться на ея прелестяхъ несравненныхъ.

Благородство и любезность неоплучны были при всѣхъ ея движеніяхъ; счастливъ, кому судьбою дозволено смягчить ея сердце! Но кому? Не тебѣ, о Гассанъ угрюмый, не тебѣ принадлежитъ имя счастливаго любовника.

(*) Земля Черкесовъ.

Гассанъ отправился въ путь, сопровождаемый двадцатью вооруженныхъ драбантовъ. Имъ предшествуетъ Эмиръ; у пояса его мечъ, который нѣкогда былъ обогрѣнъ кровію Албанцевъ, когда изъ пораженныхъ въ Парнейской долигѣ оспалось въ живыхъ нѣсколько, сихъ мясоежниковъ единственно для того, чтобы обитавшіе въ горахъ единомышленники ихъ узнали о побѣдѣ своихъ братьевъ. Писемлены его получены въ даръ отъ Паши знаменитого; золотая оправка съ дорогими камнями немѣшала имъ ужасать разбойниковъ. Гассанъ, какъ сказываютъ, отправляется получить новую супругу, болѣе вѣрную, нежели клятвопреступная Лейла, измѣнница, которая неуспѣшила убѣжать изъ гарема, убѣжать съ Джяуромъ!

Последніе лучи солнца позлащали источникъ, съ холма лиющій воду, всегда свѣжую и прозрачную, для горнаго жителя. Торгующій Грекъ, любитель вѣги, здѣсь можетъ наслаждаться покоемъ, котораго щепотно ищеть посреди города, живучи въ сосѣдствѣ съ пиранами своими. По крайней мѣрѣ, желая сберечь сокровище, плодъ бережливости долгодѣшной, здѣсь можетъ быть безопаснымъ отъ любопытныхъ взоровъ. Если раболѣисниваетъ онъ въ городъ; за то свобода улябается къ нему въ здѣшней пу-

спыниѣ, и онѣ безопасно вкушаетъ влагу, запрещенную, ненавистную для сыновѣ Магомета.

Татаринѣ предшествоуѣтѣ воинамѣ Гасана; уже достигѣ онѣ горныхѣ ущелій; по желшой епанчѣ издали узнать его не трудно. Емирѣ и свита медленно движутся узкимѣ рядомѣ. Надѣ головами ихѣ возвышается утесѣ: коршуны ошряпѣ на немѣ хищные свои клювы, какѣ бы угадывая, что у подошвы горы найдутѣ обильный кормѣ еще до появленія зари утренней. Недалеко отсюда слѣдѣ зимняго потока, высушеннаго палачами лучами солнца; воды его изрыл путь между песками, поросшими въ разныхѣ мѣстахѣ печальнымѣ кустарникомѣ; путь сей устьянѣ обломками сѣраго гранита, силою времени или перуномѣ опшоргнушими отѣ хребта горѣ, коихѣ вершина скрывается подѣ облаками. Кто изѣ смертныхѣ можетѣ сказать, что зрѣлѣ недосыгаемую главу Ліакуры?

Емирѣ и спутники его достигли до еловаго лѣса. „*Бисмиллагѣ* (16)!“ воскликнулѣ Чаушѣ: „уже нѣтъ никакой опасности; наконецѣ передѣ нами равнина, и мы теперь же пустимѣ скакать коней своихѣ.“ Онѣ сказалѣ, и въ то же мгнове-

нѣ пуля мимо головы его со свистомъ пролетѣла; ѣхавшій впереди Ташаринъ упалъ мертвый на землю. Гассановы драбаншы едва имѣли время схватить поводъ коней своихъ; они спѣшались сойти на землю; но прѣе изъ всадниковъ вѣтки уже небудущъ гордятся на сѣдлахъ. Тщешно пребываютъ они мщенія передъ послѣднимъ вздохомъ, — тщешно, ибо поражены врагомъ невидимымъ; спутники мгновенно доспаютъ оружіе, но они въ то же время преклоняютъ голову къ гривамъ коней, желая избѣжать отъ пуль смертоносныхъ; нѣкоторые изъ нихъ ищутъ убѣжища за ушесомъ, чтобы не пасть отъ руки врага, недержающаго показаться. Одинъ Гассанъ безспрашный остается на конѣ и понуждаетъ его къ движенію; но раздавшіеся выстрѣлы извѣстили Гассана, что разбойники зашли у конца ущелія, и что неоспалось никакого средства избѣжать опасности предстоящей.

Усы его вздулись (17), молнія бѣшенства сверкнула отъ взоровъ. „Неспрашный для меня со всѣхъ сторонъ свисающія пули;“ воскликнулъ Гассанъ: „ужасы опасностей я видѣлъ передъ собою!“ Въ сію минушу неприятель выходитъ изъ засады, и пребуешь, чтобы дружина Гассанова положила оружіе; но гнѣвное чело Емира,

но его угрозы страшнѣе вражескаго меча для его спутниковъ ; ни одинъ изъ нихъ не дерзаетъ издасть покорнаго вопля
Всѣ разбойники выходятъ изъ лѣсу и всадники ихъ приближаются.

Кто начальникъ ихъ , вооруженный сверкающимъ булашомъ ?

«Ето онъ ! ето онъ !» восклицаетъ Гасанъ : «узную его по челу блѣдному, по симъ очамъ зловѣщимъ , кои хъ роковые взгляды благоприсяствуютъ злодѣйству (18). Узную чернаго коня его. Онъ въ одеждѣ Албанца ; онъ ошрекся онъ прежней своей вѣры : но опсупничество не спасетъ его онъ смерти. Ето онъ ! ето Джяуръ проклятый ! Горе тому , кто похитилъ у меня любовь Лейлы !»

Рѣка быспрая и широкая низвергаетъ стремительныя свои воды въ море , и океанъ въ видѣ лазуревыхъ сполбовъ грозныя валы противопоставилъ ярому постоку ; брызги влаги раздробленной уподобляются сверканіямъ перуна ; ужасныя удары волвъ подобно грому раздаются на шрепещущемъ берегу , и утесы моря скрываются подъ бѣлою пѣной. Такова была встрѣча двухъ войскъ , движимыхъ одинакимъ бѣшенствомъ : прескъ мечей , кощорые ударялись взаимно и ломались на часши ; выстрѣлы ружей ,

свистъ убійственныхъ пуль, угрозы поражающихъ воиновъ, стоны умирающихъ ужасающъ опголоски долинъ, обыхшіе вопришь пасшущескимъ пѣснямъ. Невелико число рапующихъ; но всѣ они помятся жаждою крови: ни одинъ не проситъ пощады, всякой стараются наносить одни лишь смертельные удары. Соединенные узами любви спрасшной, въ обьяпіяхъ взаимныхъ находящъ сладкую опраду; но воснорги любви никогда не сравнятся съ напряженіемъ, съ усиліями двухъ непріятелей. Схвачившись взаимно, руки ихъ уже не выпускаютъ своей добычи. Друзья сближаются и рзсцаются; любовь смѣется надъ неразрывнымъ союзомъ: соединенные враждою иначе разлучаются, какъ уже послѣ смерти.

Сабля Гассанова разлетѣлась на части; осталась лишь рукояшь, обогрнная пролиптою кровью. Рука его держитъ еще сей опломокъ желѣза, споль мало принесшато пользы мщенію; но рука его, ахъ! отдѣлена отъ пуловища; чалма, разсѣченная въ самыхъ плотныхъ стигахъ, покашилась по песчаному скалпу; верхняя одежда, оспріемъ сабли раздранная, приняла цвѣтъ угрюмыхъ облаковъ утра, предвѣщающихъ вамъ день бурнаго ненастья. Куски палампора (*) его разбросаны по кустамъ окрова-

(*) Шаль, которую носятъ знатныя особы.

яннымъ; грудь его покрыта ранами; самъ онъ лежишь на землѣ проспертый, обращенный лицомъ къ небу; открытые глаза еще грозятъ непрятелю взоромъ ненависти, которая одна пережила всѣхъ спрости.

Стоящій надъ шрупомъ врагъ разсматриваетъ печальные осматки; чело его также мрачно, какъ и покрытаго пѣнями смерти.

„Такъ! Леила погружена въ волнахъ моря; но сія, обогрѣнная кровію, земля будетъ могилой Гассана. Тѣнь Леилы управляетъ булатомъ, пронзившимъ въ роковое сердце. Онъ взывалъ къ пророку, и пророкъ не спасъ его отъ моей мести; взывалъ къ Аллѣ, и молитва его не услышана. „Безумецъ! ты невнѣлъ прозьбамъ Леилы, ни хочешь, чтобы твои были уважены! „Все мною предусмотрено; я заплашилъ симъ мяшежнымъ солдатамъ, дабы наказать врага въ рокового; жажда мести удовлетворена, и я одинъ удаляюсь. . .“

Велблуды возвращаются на пасыбище; мать Гассанова смотришь съ балкона и видишь росу, падшую на лугахъ зеленыхъ; звѣзды блѣднѣютъ при появленіи зари утренней. „Вопѣ уже и день!“ говоритъ она: „Гассанъ долженъ быть недалеко.“

Она идетъ въ садъ; мучимая невѣдомымъ безпокойствомъ, всходитъ на высокую башню, устремляетъ къ горамъ свои взоры: „Для чего же не ѣдешь онъ? „Ничѣмъ незамедляеися быспропта кочей „его, и имъ неспрашны жары знойнаго „лѣта. Для чего даровъ брачныхъ нешлетъ „передъ собою? На кого жаловаться мнѣ: „на его ли собственное сердце, или на медленность коня его? Но я виновата! Вижу „Татарина; онъ уже на вершинѣ горы „блжней: ѣдетъ по пропѣ, ведущей въ „долину; вижу, вижу за сѣдомъ его по „дарки опѣ сына. . . . Но посланный медленно ѣдетъ; не уже ли, незнаетъ онъ, что „я щедро наградила бы за поспѣшность и „за пруды пушешествія утомительнаго?“

Татаринъ сходитъ съ коня у воротъ зѣмка; нѣчто держитъ онъ въ пренесущихъ рукахъ своихъ. На смугломъ челѣ его видно выраженіе печали; но, быть можетъ, еще дѣйствіе усалости: одежда его обрызгана кровью; но, быть можетъ, еще кровь пролила шпорами изъ боковъ коня лѣниваго. Татаринъ обнажаетъ даръ, который былъ покрытъ епанчею.
О ангелъ смерти! ето голова Гассана!

„Сынъ швой праздновалъ кровавую свадьбу!“ сказалъ Татаринъ: „я уцѣлѣлъ; но

„не состраданіе спасло жизнь мою: меня „пощадили для того единственно, чтобы „доставишь къ тебѣ сей горесный подар- „рокъ. Миръ храброму, испустившему по- „слѣдній вздохъ подъ ударомъ смерти! Про- „клятіе Джяуру, виновнику его гибели, его „убійцѣ!“

Чалма (19), вырѣзанная на дикомъ кам- нѣ, столбъ терниною кругомъ обросшій, и на кошоромъ почти уже изгладился пексѣ Корана — вопъ все, что найпи мож- но въ уединенной долинь, гдѣ Гассанъ по- раженъ ударомъ смерти. Тамъ почиѣ прахъ Османлиса, вѣрнаго какъ и всѣ шѣ, кои желаюѣ преклониѣ колѣно въ Меккѣ, съ ужасомъ отвращающѣ взоры свои отъ ви- на запрещеннаго, и смиренно чипающѣ мо- литву, обращаѣ къ священному граду, какъ скоро слышатѣ торжественныя вопли *Аллага* (20), раздавшіеся съ высоты мина- рета. И онъ умеръ отъ руки чужестран- ца, среди опечесственной земли своей; умеръ съ оружіемъ въ рукѣ, и не опмщенъ никѣмъ изъ единовѣрныхъ; по крайней мѣрѣ кровь неприятеля не пролилась на могилѣ Гасса- на! Но двы съ усердіемъ принимающѣ его въ селеніяхъ небесныхъ, и сверкающіе очи Гурій всегда будуѣ встрѣчать его съ улыб- кою; онѣ благосклонно привѣтствуюѣ его, помавая изумрудными своими покровами; слад-

кимъ поцѣлуемъ награждающъ онъ храброго. Кто погибъ, сражаясь противъ одного изъ Джяуровъ; тотъ заслужилъ вѣчное блаженство (21).

А ты, вѣроломный убійца, ты будешь преданъ мстительной кость *Монкира* (22); избавишься мукъ, имъ угопованныхъ, единственно для того чтобы скинуться вокругъ Геблисова престола (*). Неугасимый огонь будетъ вѣчно пожирать твое сердце, и никакой языкъ не можетъ изъяснить мучений, которыя содѣлаютъ его настоящимъ для тебя адомъ. Но сперва ты будешь посланъ на землю бродить вампиромъ, и трупъ твоей убьютъ изъ могилы (23). Ты будешь спрашивать мѣста своего рожденія, мучителей жены, сестры, дѣтей своихъ; и въ мрачные часы ночи, обвѣянный ужасомъ, будешь насыщаться кровью своего семейства.

Твои жертвы узнаютъ отца своего прежде смерти; будутъ проклинаять его и услышатъ взаимныя проклятія; дочери твоей погибнутъ во цвѣтѣ возраста, и на одной изъ нихъ исполнится особенное мщеніе рока, именно на юнѣйшей, на любимой съ большею вѣжностію: она еще будетъ называться тобой своимъ родителемъ, и сіе свя-

(*) Геблисъ — Плутонъ восточныхъ народовъ.

ценное имя болѣзненно расперзаетъ свое сердце. Тщешно желалъ бы ты пощадить ее: увидишь послѣдній румянецъ исчезающій на ея ланипахъ, послѣднюю искру погасающую въ ея взорахъ, навѣки омраченную лазурь влажныхъ зѣницъ ея; тогда нечестивая рука твоя испортитъ одну косму длинныхъ волосъ ея, и что могло бы служить залогомъ любви самой нѣжной, то послужитъ для вѣчнаго напоминанія объ адской твоей злобѣ. Зубы твои скрежещутъ, опчаянїемъ подвижныя, и изъ губъ твоихъ падаютъ капли чистѣйшей крови (24). Возвратись въ мрачную могилу свою; иди къ полчищу злыхъ духовъ, которые съ ужасомъ побѣгутъ отъ ненавистной тѣни.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Примѣчанія.

- (9) Есть родъ кинжала, называемый у Турковъ *атаганъ*; онъ вѣшается на поясъ вмѣстѣ съ пистолетами; ножны его обыкновенно бывають сдѣланы изъ мѣпалла, часто изъ серебра, а у богатыхъ даже изъ золота.
- (10) Зеленый цвѣтъ есть исключительная принадлежность мнимыхъ помощковъ Магомета. У нихъ *евра* составляетъ наслѣдіе, которое отъ опцевъ передается къ дѣтиямъ, и которое почитается несравненно выше *добрыхъ дѣлъ*. Въ пре-
- № 16. Т

зришельной наці ничего нѣтъ презри-
шельныя сихъ фамилій.

- (11) *Саламъ алейкумъ*; *алейкумъ саламъ*
(Миръ да будетъ съ тобою); сими сло-
вами привѣтъ ствуютъ одни лишь Мусуль-
мане другъ-друга. Хрістіанину говорятъ
они: *урларула*; доброй путь; такъ же: *сабанъ*
гиреземъ, *сабанъ серула*; добрый день,
доброй вечеръ; иногда они изъявляютъ
ему желаніе *быть счастливымъ*.
- (12) Скорпіонъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ фи-
лософовъ, умерщвляетъ себя собствен-
нымъ жаломъ.
- (13) Славный рубинъ Сулшана Джіамшида, по
причинъ опличнаго блеска своего, назы-
вался *Шебгерагъ*, свѣтилою ночи, отбѣз-
комъ солнца и проч.
- (14) *Алзиратъ* — такъ называется мостъ
шириною въ пять паушины, по которому
должно Мусульманамъ идти въ селенія рай-
скія. Другой нѣтъ дороги. Но еще и что-
го хуже, что подъ симъ мостомъ нахо-
дился адъ, въ кошорой, какъ легко пред-
ставитъ себѣ можно, падаютъ неумѣющіе
твердо ходить по нити паушинной. Дру-
гой мостъ, гораздо уже перваго, назначенъ
для Хрістіанъ и Евреевъ.
- (15) Несправедливо думать вообще, будто-
бы Магометъ исключилъ всѣхъ женщинъ
изъ своего рая. Въ Коранѣ по крайней мѣ-
рѣ пріятна часть сего обиталища доб-
рыхъ пріодоставлена женщинамъ, кошорыя
вели жизнь благонравную. Но весьма мно-
гіе Магометшане, шолкуя слова Корана по
своему произволу, утверждаютъ, что
небеса будутъ зашворены для ихъ жен-
щинъ.

- (16) *Бисмиллагъ*! Во имя Бога! пакъ начинающа всѣ главы Корана; кромѣ одной. Симвъ словомъ Турки начинающъ свои молитвы, равно какъ употребляющъ его же при изъявленіи благодарности.
- (17) Усы дѣйствительно вздуваются у Мусульманъ во время сильнаго гнѣва. Въ 1809 году Капуданъ - Паша всѣхъ Драгомановъ привелъ въ ужасъ на одной аудіенціи дипломатической. Усы его вздулись отъ досады, почто какъ у шигра; съ минушъ на минушю ожидали, что цвѣтъ ихъ перемѣнися; но грозные усы улеглись по прежнему, и отъ епаго, по видимому переважнаго обстоятельству, уцѣлѣло болѣе головъ, нежели сколько было щепинокъ на усахъ Турецкаго вельможи.
- (18) *Зловѣщій глазъ, злые очи!* Суевѣріе, на Востоку весьма обыкновенное. Воображаемая дѣйствія злыхъ очей бывающъ вообще опасны для тѣхъ единственно, которые вѣрятъ онымъ.
- (19) Чалма, столбъ и служащій вмѣсто надписи спихъ изъ Алкорана обыкновенно украшающъ гробницы Османлисовъ какъ на кладбищѣ, такъ и въ пустынь. Нерѣдко случается видѣть въ горахъ подобныя памяшники, и подъ ними лежатъ обыкновенно жертвы мясежа, разбоя, или мщенія.
- (20) *Алла га!* Сими словами оканчивается призываніе къ молитвѣ, которое громко на распѣвъ произноситъ муеццинъ съ высокаго минарета. Особенно въ тихую ночь звонкой голосъ производить удивительное впечатлѣніе.
- (21) Ено весьма близкое подражаніе одной вошпой пѣсни Турковъ: «Видю райскую ядву съ черными очами; она развѣвася»

„свое покрывало изумруднаго цвѣта; зо-
вешь меня: приди ко мнѣ съ поцѣлуями!
»я люблю себя« и проч.

(22) *Монкиръ* и *Некиръ*, инквизишоры умер-
шихъ, кошорыхъ они предварительнаго
знакомяшъ съ муками осужденныхъ, пока-
зывая имъ разные опышны своего искус-
ства. Ежели опѣшны осужденнаго, на
предложенные сими двумя духами ада во-
просы, кажущися имъ неудовлелворитель-
ны, шо несчастнаго бросаюшъ вверхъ
косою и попомъ ошбрасываюшъ булавою
изъ желѣза, ярко раскаленнаго. Бываюшъ
и другіе опышны еще болѣе ужасныя. *Мон-
киръ* и *Некиръ* сушъ должностныя, по шпа-
шу положенныя чиновники, и ихъ шолько
двое; можно себѣ представитъ, что при
безчисленномъ множествѣ грѣшныхъ Му-
сульманъ рукама обоихъ адскихъ духовъ
никогда нѣтъ отдыха.

(23) Суевѣрное мнѣніе о *вампирахъ* господ-
ствуетъ на Востоку. У Турковъ вампиръ
называется *вардулаха*. Греки съ ужасомъ
произносяшъ это слово. О вампирахъ раз-
сказываюшъ множество весьма спранныхъ
исторій. Не можемъ неупомянуть при
семъ случаѣ, что въ южныхъ губерніяхъ
Россіи извѣстны и *вампиры* (упырь)
и *вардулахи* (волколаки): это умершіе
колдуны, кошорые по ночамъ приходяшъ
домой безпокоишъ оставшихся въ живыхъ
своихъ ближнихъ; они любяшъ сосать кровь
и проч. Свидущія спарушки обоаго пола,
если угодно, укажушъ вамъ на дома, по-
сѣщаемые *упырями* и *волколаками*. Те-
перь знаемъ, ошкуда зашли къ намъ басни
о сихъ мершвыхъ бродягахъ.

(24) По свѣжему лицу и каплющей съ губъ свѣжей крови шопчасъ можно угадать вампира.

Встрѣчи старыхъ знакомыхъ (*).

Недавно былъ я въ театръ. Цѣлый часъ мучился любопытствомъ угадать, что́ это за поненькая и сухая фигура небольшого роста, копорая выказывалась изъ ложи и посматривала на всѣхъ съ какимъ-то пренебреженіемъ. Я былъ также предметомъ особеннаго любопытства со стороны той же самой фигуры. По окончаніи перваго дѣйствія ми оба вдругъ вспали съ мѣстъ своихъ, чтобы сойлись поближе — и наконецъ открылось, что мы старые знакомые.

Послѣ многихъ разспросовъ о домашнихъ дѣлахъ, мы пустились въ полишку.

„Ахъ, какая жалость!“ сказалъ мнѣ Аббатъ Л.: „до чего довели теперь нашу бѣдную Францію! Нѣтъ болѣе и слѣдовъ прежней образованности; взгляните, пожалуйста, на эти всклоченные волосы; на долгіе суковные камзолы, копорые называющъ теперь фраками, на баш-

(*) Изъ L'observateur au theatre 1821.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

Ч А С Т Ъ СХІХ.

М О С К В А.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ,

1 8 2 1.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Стран.

П Р О З А.

Джяурь.	165 и 249
Встрѣчи старыхъ знакомыхъ.	269

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ А. . . П. . . О.	5
Макарову.	9
Желанія.	85
Уральской козакъ.	88
Странникъ.	180
На свиданіе съ сестрою.	182
Двѣ пѣсни.	183
Отрывокъ изъ Расиновой Трагедіи: Федра.	276

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Дрезденъ и его окрестности.	12
О характерѣ, просвѣщеніи и пво- ренціяхъ Философовъ Христіан- скихъ, въ первыя при стольшія жившихъ.	57
Густинь, Философъ и мученикъ.	90
Нѣкоторыя замѣчанія о мѣстѣ Ма- маева побоища.	125
О торжественномъ обрядѣ прими- ренія у Черногорцевъ.	130

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ. 1821.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Д ж я ч р ъ.

(Окончаніе.)

»Какъ называете вы *Каловра* (25), копа-
»раго вижу на сей уединенной пропинкѣ?
»Нѣкогда я замѣтилъ черпкъ лица его въ
»мѣстѣ моего рожденія. Однажды вечеромъ,
»сидя на берегу моря, я видѣлъ его ска-
»чущаго на конѣ быспромѣ. Только лишь
»одинъ разъ я замѣтилъ черпкъ его; но
»смяшеніе сердца шакъ глубоко впечатлѣ-
»но на нихъ было, что я не могъ забыть
»нихъ. Чело его нѣмъ споль мрачно, споль
»угрюмо, что, мнѣ кажеться, я узнаю на
»немъ печать смерти.

»Минуло уже шесть почти лѣтъ, какъ
»онъ пришелъ къ братіи нашей; въ сей
»уединенной обители конечно ищеть оуб
»изабншь какое нибудь великое злодѣаніе,

№ 17.

А а

»намъ невѣдомое ; но никогда непримодитѣ
»онѣ молился съ нами вмѣстѣ вечерней
»порою , никогда непреклоняетѣ колѣна пе-
»редѣ судилищемъ покаянія ; мало нужды
»ему до набожныхъ пѣсней нашихъ , до еи-
»міама , воскуряемаго нами передѣ ола-
»ремъ Христовымъ : одинѣ въ своей келліи
»онѣ занимается размышленіями ; его вѣра,
»его происхожденіе намъ вовсе неизвѣстны.

»Онѣ пришелъ къ намъ отѣ мѣстѣ ,
»гдѣ поклоняются Магомету ; но въ немъ
» видно признаковъ Мусульманской поро-
»ды : лице его больше показываетъ Хри-
»стіанина . Еслибѣ не уклонялся онѣ отѣ
»святыхъ мощей нашихъ , еслибѣ не убѣ-
»дѣ отѣ Божественной прарезы великаго
»спрашнаго шайнства ; я почелѣ
»бы его отступникомъ , кающимся о сво-
»емъ отпаденіи отѣ лона Церкви . Наша
»обитель приняла отѣ него богатые вкла-
»ды . . . Но я , будучи на мѣстѣ началь-
»ника браніи , я ниже одного дня не потерпѣлъ
»бы между нами столь спрашнаго челове-
»ка ; или же я велѣлъ бы запереть его на
»всю жизнь въ одной изъ темницъ мона-
»шескихъ . Въ испуленіи своихъ меч-
»таній онѣ часто говорилѣ о жертвѣ , бро-
»шенной въ море , о сраженіяхъ , о бѣгствѣ ,
»о мщеніи , обѣ издыхающемъ Туркѣ . Его
»находили на ешой скалѣ обвѣшаго мрачнымъ

„изспуленіемъ: онъ кричалъ, что видишь
окровавленную руку, ни къмъ другимъ не-
зримую; что рука сія указываетъ ему
мѣсто его могилы, велишь ему повер-
гнувшись въ бездну.“

Чело его, мрачное, мало похожее на
обыкновенный образъ чловѣка, покрыто
чернымъ наглавникомъ. Молнія, иногда свер-
кающая изъ спрашныхъ очей его, выра-
жаетъ одно лишь воспоминаніе о протек-
шемъ; шускый, часпо измѣняющіися
цвѣтъ лица его пугаетъ того, кто дерз-
нулъ бы дѣлать надъ нимъ свои наблюденія.
Въ немъ узнаютъ волшебную, неизясни-
мую силу, копорой невозможно сопротив-
ляться.

Пшица, шрепещущая отъ ужаса, не-
имѣетъ силы улетѣть отъ зми, успре-
мяющейся на нее, свою добычу; такъ въ очахъ
сего чловѣка есть нѣчто поразительное,
несперпимое для наблюдающаго взора.

Боязливый инокъ, цопавшись ему на
вспрѣчу, уклоняется въ сторону, какъ бы
увѣренный, что поражающій взглядъ его
и горькая улыбка возбуждаютъ въ одно и то
же время и страхъ и виновныя мысли. Сія
улыбка рѣдко проясняетъ чело его, и
обыкновенно кажется она только лишь
насмѣшкою надъ несчастіемъ. Блѣдныя

губы его мгновенно спановятся неподвижными, точно какъ бы скорбь или досада не позволяли ему имѣть другихъ мыслей, кромѣ только печальныхъ. Лице его никогда не выражало свободной веселости сердца. Иные въ чертахъ его открываютъ слѣды чувствъ прежнихъ, и съ трудомъ узнають нѣкопторыя останки благородства въ его зловѣщей физиономіи, точно какъ бы пресупленія не до конца еще унизили сію гордую душу. Простой зритель видя въ одну лишь мрачную наружность преступника, угрызаемаго совѣстію; наблюдатель внимательный узнаетъ въ ней высокій умъ и знаменитое происхожденіе. Ахъ! къ чему послужили ему сіи дары драгоценныя, копорые осквернены злодѣянствомъ, и копорые сокрылись подъ завѣсою горести! Безъ сомнѣнія не подлую тварь Небо наградило ими; но всѣмъ нѣмъ человекъ сей возбуждаетъ нынѣ ужасъ и отвращеніе. Справникъ едва замѣчаетъ останки развалившейся хижины; но замокъ, разрушенный бурей или войною, привлекаетъ взоры уцѣлѣвшими на немъ даже немногими зубцами; одѣтые плющемъ своды, уединенная колонна, служащія памятниками прежняго великолѣпія.

„Смотрите, какъ онъ, закутавшись въ мантію, идетъ между столбами вдоль готическаго храма. Съ ужасомъ замѣчаютъ“

ся его движенія, и онъ мрачными очами
взираешъ на священные обряды вѣры. Ко-
гда раздается съ хора гимнъ благочестія,
когда иноки молятся, преклонивъ колѣна;
онъ удаляется въ сей припѣвъ, едва
освѣщаемый блѣднымъ огнемъ пренесущей
лампады. Опшуда слушаешъ онъ моливы
наши, никогда несоединяя съ ними своихъ
моленій. Смошрише, подъ пѣнію ешъ
спѣны онъ кинулъ за хребтъ свой черныи
главникъ; густые, въ безпорядкѣ вью-
щіяся кудри покрыли блѣдное чело его; вы
подумаете, что Горгона, взявъ съ головы
своей самыя отвращительныя змѣи, воору-
жила ими голову сего злаго духа; облечен-
ный въ наши одежды, онъ вовсе неиспол-
няетъ всѣхъ монастырскихъ правилъ, и
дозволяетъ рости волосамъ своимъ. Вкла-
ды его суть дары гордыни, а не пламен-
наго благочестія; онъ произнесъ ника-
кихъ обѣщаній, не объявилъ никакихъ условій.

„Но церковь наполняется хвалами Все-
вышнему. Замѣчайте блѣдное лице его,
замѣчайте ешу ледяную наружность, ды-
шащую опчаяніемъ и гордынею. О Свяшый
Францискъ, великій угодникъ Божій! уда-
ли человекъ сего отъ жертвенника, да не
явившя гнѣвъ небесный въ какомъ-либо
ужасномъ чудотвореніи. Духъ тмы, при-
нимающа видъ человѣческой, неможешь вы-

„бращь другаго, болѣе для себя приличнаго.
„Именемъ вѣчнаго милосердія свидѣтель-
„спвуюсь, что сіи взоры не принадлежатъ
„ни землѣ, ни небу.“

Сердца крошкія и нѣжныя удобно предаются любви; но онѣ боязливы, онѣ спра-
шались печалей, сопутствующихъ любов-
ной страсти; онѣ слабы, и не дерзаютъ
идти на встрѣчу горестямъ; никогда не
предаются онѣ любви совершенно: нѣтъ,
въ мужественныхъ только сердцахъ язвы
любви могутъ быть неисцѣлимы.

Металлъ, изъ рудника вышедшій, дол-
женъ горѣть, чтобы очиститься; но огонь
горнила, плавя его, неперемѣняетъ въ немъ
природнаго свѣтла. Металлъ удобенъ
принимать всѣ формы; можетъ быть ору-
жіемъ обороны, или смерти; можетъ сдѣ-
латься бронею и защитить грудь вашу,
или мечемъ и разить вашего сопостатпа.
Острие ли конечность меча смертоносна-
го — будь оспорженъ. Такъ огонь спра-
спей и искусство женщины могутъ смяг-
чить, могутъ образовать мѣдное сердце;
но получивъ одинъ разъ форму, оно уже
не перемѣнится: надобно разбить его,
чтобы дать ему другую.....

Слѣдуетъ ли уединеніе за несчастіемъ,
конецъ спраданіи мало насъ утѣшаетъ;

сердце, брошенное въ пустынь, съ радостію встрѣсило бы стрѣлу смертоносную, которая сказала бы, что оно не одно въ мірѣ. Мы не любимъ того, чего никто не дѣлалъ съ нами; самое счастье перестаетъ быть счастьемъ, если не вдвоемъ наслаждаемся.

Сердце, оставленное чувствами нѣжнѣйшими, принужденнымъ находится прибѣгнуть къ ненависти. И сіе мучительное состояніе подобно тому, какое испытали бы мерзвые, внезапно ощутивъ движеніе червей могильныхъ, ползающихъ по ихъ трупамъ полуисточеннымъ, и неимѣя возможности освободиться отъ сихъ прожорливыхъ насѣкомыхъ; такимъ же должно быть и опчаяніе пустынной пщицы, собственною кровію питающей юное семейство, когда, съ родительскою готовностію умереть за дѣтей своихъ, расперзавъ свое нѣдро, сія несчастная мать нашла бы малюшкѣ въ гнѣздѣ опустошенномъ (26).

Самыя жестокія муки горести можно почестъ ушѣхами въ сравненіи съ пустыннымъ ничипожествомъ, съ ужасной пустошю сердца, которое для чувствъ своихъ неимѣетъ болѣе никакой цѣли. Кто захотѣлъ бы вѣчно сморѣть на небо, на которомъ нѣтъ ни солида, ни облака?

Мысль о невозможности презирать валы океана безъ всякаго сомнѣнія ужасѣ рева оныхъ валовъ разъяренныхъ, ужасѣ для несчастливца, копорой, подобно ничтожному оспапку послѣ кораблекрушенія, брошенъ на берегѣ необитаемый, и копорой медленно умирающъ долженъ при тихомъ, безопасномъ заливѣ. Лучше ты сячу разъ погибнуть при громахъ и буряхъ, нежели медленно изнемогать на печальномъ ушесѣ.....

»Опшельникъ благочеспивый! ты про-
»велъ всю жизнь, пересчитывая зерна сво-
»ихъ чешокъ, и повпоря всегдашнія мо-
»лишвы. Чуждый заботъ и пресуплений,
»ты провелъ молодые годы и время спаро-
»спи, давая людямъ оппущеніе въ грѣхахъ,
»ими содѣянныхъ; свободный отъ всѣхъ
»золъ, за исключеніемъ только пѣхъ печалей
»скоропреходящихъ, отъ которыхъ
»неизвѣстъ ниодинъ смертныи, ты благо-
»словляешь Небо, удалившее отъ тебя гроз-
»ныя бури спраспей, споль пагубныя для
»смертныихъ, приводимыхъ къ тебѣ рас-
»каяніемъ, вѣряющихъ швоему непороч-
»ному, снисходительному сердцу и шай-
»ные грѣхи свои и шайныя скорби. Я
»жилъ мало; но часпо пилъ я изъ чаши
»удовольспвій, и несравненно чаще я испо-
»щаль еосудъ печалей. Ахъ! во крайней

»мѣръ сіи дни сладоспрасія и опасностей
»избавляли меня опѣ скуки однообразной
»жизни. Сегодня поржествую съ друзьями,
»завтра сражаясь съ неприятелями, я
»шолько лишь и пугался упоминительнаго
»спокойствія. Нынѣ, когда уже ничего бо-
»лье немогу ни любить, ни ненавидѣть,
»когда ничто невозбуждаетъ ни моихъ на-
»деждъ, ни моей гордости, нынѣ лучше
»желалъ бы я превратиться въ часткомое
»резръвное, ползающее по влажнымъ спѣ-
»намъ шемвицы, нежели оспашокъ жизни
»своей влачить въ несносной пишинѣ хо-
»лодныхъ размышлений. Чувствую одна-
»кожъ въ душѣ моей нѣкое неясное желаніе
»вѣчнаго покоя, сколь ни мучительна для
»меня мысль о всякомъ покоѣ. Скоро моль-
»бы мои будущъ услышаны; усну, и въ меч-
»шажъ сновидѣній не увижу себя ни какимъ
»былъ я прежде, ни какимъ хотѣлъ бы еще
»быть въ грядущемъ.

»Моя память есть не что иное какъ
»могила счастья, давно упраченнаго и для
»меня уже невозвратнаго. Ахъ, лучшебъ
»и мнѣ погибнуть съ нимъ вмѣстѣ, нежели
»поминься во мракъ огорченій! Душа моя
»неуклонялась передъ оспрыми спрълами
»вѣчныхъ спраданій; неискала она убъжи-
»ща въ смерти произвольной, и презрѣла
»инуши мнимыхъ мудредовъ древности и

»подыхъ прусовъ нашего времени. Не смерти я боялся; мужескивно полетѣлъ бы
»я встрѣпшь ее на рашномъ полѣ, если
»бы судьба поставила меня подъ знаменами
»не любви, а славы. Я презрѣлъ бы смерть,
»но не для суешныхъ почестей: ничто для
»меня лавръ, котораго ищеть често-
»любивый обожатель славы или наемный во-
»инъ. Но да предложатъ мнѣ награду, до-
»стойную опасностей — красому обожает-
»мую мною, или врага, котораго душа моя
»ненавидитъ: я готовъ пойти пропивъ
»судьбины, готовъ броситься на лѣсъ ко-
»лпий и въ рѣку пламени, если должно или
»спасити любезную, или провзять нена-
»висное мнѣ сердце. Имѣй довѣрие къ сло-
»вамъ того, кто не тщеславится прежни-
»ми, уже совершенными имъ подвигами.
»Душа высокомерная и гордая вызываетъ
»смерть, слабость встрѣчаетъ ее безъ
»жалобъ, одно лишь несчастье унижается
»передъ нею. Жизнь моя да возвратится
»къ Тому, кто даровалъ мнѣ оную. Не
»блѣднѣлъ я передъ опасностями, бывъ мо-
»гущественнымъ и счастливымъ; нынѣ ли
»шрещепать я долженъ?

»Опецъ мой! я любилъ, я обожалъ. . .
»Слова сіи потеряли цѣну свою оупъ еже-
»дневнаго упошребления любовниками обык-
»новенными . . . Моя нѣжная спроситъ до-

»казана лучше дѣлами, нежели клятвами.
»Ещѣ мечь сохранилъ пятно крови, на-
»вѣки неизгладимое. Кровь сія пролипа за
»тѣлу, которая для меня погибла; ею жило
»сердце одного ненавидѣвшаго ширана. . . .
»Прекрати движеніе сего внезапнаго ужа-
»са, не преклоняй колѣна, и поспунка се-
»го не почиай въ числѣ моихъ злодѣя-
»ній: пролипая мною кровь принадле-
»жала врагу швоего Бога; при одномъ
»имени Хріста Мусульманская душа его
»наполнялась яростію. . . . Я любилъ Ле-
»илу; любовь проникаетъ въ самыя дикія
»мѣста, и мои вздохи не были тщетны;
»но я чувствовалъ иногда угрызенія, кото-
»рыхъ вопль говорилъ мнѣ; что было бы
»лучше, когдабъ Леила осталась вѣрною
»первой любви своей. Она умерла —
»не смѣю сказать шебѣ, какою смертію:
»взгляни на чело мое, и ты можешъ быть
»узнаешь. Проклятіе и злодѣйство Каино-
»во напечатлѣны на немъ неизгладимыми
»чертами: не смѣши осуждать меня; я
»былъ причиною казни ея, но не виновни-
»комъ, не исполнителемъ. Ахъ! я долженъ
»признаться, что палачъ ея сдѣлалъ по-
»же самое, что сдѣлалъ бы я самъ, когдабъ
»Леила оказалась невѣрною передъ вторымъ
»своимъ любовникомъ. Онъ безъ жалости
»совершилъ казнь надъ виновною.
»Какъ ни справедливъ приговоръ, надъ

»нею произнесенный, но ея измѣна была
»доказательствомъ нѣжной ко мнѣ спраспи:
»Она дала мнѣ свое сердце, единый пред-
»метъ, непокоряемый пиранствомъ; а я,
»неуспѣвшій спасти ее, далъ все, что было
»въ моей власти... далъ смерть врагу на-
»шему. Но смерть была для него малозна-
»ющимъ бѣдствіемъ, а казнь его жертвы
»одѣлала меня..... предметомъ ужаса. Ему
»непремѣнно погибнуть надлежало, и онъ
»зналъ о близкомъ концѣ своемъ, бывъ увѣ-
»домленъ предсказаніями суроваго *Тагира*,
»котораго предчувствіе слышало свистѣ
»убійственнаго мешалла, когда Емиръ сби-
»рался къ роковому путешествію (27).

»Счастливъ погибающій въ сраженіи,
»гдѣ смерть является къ намъ безъ мукъ
»продолжительныхъ. Тщешно взывалъ онъ
»къ Аллѣ и къ Магомету! Онъ узналъ ме-
»ня, и мы сразились мечами. Я смотрѣлъ,
»когда испускалъ онъ послѣдній вздохъ жиз-
»ни. Покрытый ранами, подобно леопар-
»ду, копыями ловцовъ постигнутому въ
»дубравѣ, онъ и вполонину неощущалъ по-
»сто; что чувствовалъ я въ ту минуту. Въ
»униженныхъ глазахъ его искалъ я унижен-
»ной гордоспи. Въ каждой чертѣ лица его
»виднo было бѣшенство, и ни одна не по-
»казала угрызеній. Чего не дало бы мщеніе
»мое, чтобы замѣпить на лицѣ его слѣды
»ропщанія и того раскаянія поздняго, кото-

»рое видитъ передъ собою одинъ лишь
»ужасъ могилы, не встрѣчая ниже луча
»ушѣшенія.

»У жипелей зимняго климапа кровь
»споль же холодна какъ и воздухъ, копо-
»рымъ дышатъ они. Любовь у нихъ недо-
»стойна своего имени: моя любовь была
»подобна огненной лавѣ, испоргающей изъ
»пылающихъ пропастей Епны. Совѣмъ
»неизвѣстны мнѣ сладкія рѣчи обыкновен-
»ныхъ любовниковъ и красавицъ. Если вне-
»запная переменъ въ чертахъ лица, жаръ
»кипящей крови, судорожное движеніе губъ,
»сердце растерзанное, но издающее жа-
»лобъ, изступленіе ума, дерзоспъ, мще-
»ніе, если, однимъ словомъ, всѣ чувспва, ко-
»порыя волновали и пеперь еще волнуяпъ
»мою душу, могутъ служить вѣрными при-
»знакаи любви; шо моя любовь конечно
»была испинная: она доказана гореспными
»опытами. Никогда не могъ я ни възды-
»хатъ, ни плакатъ; я могъ только желатъ
»успѣха, или смерти.

»Смерпъ приближается; но я по край-
»ней мѣрѣ вкусилъ счастье въ здѣшней жип-
»ни. И ныѣ ли спрашипся мнѣ жестоко-
»шей судьбины, споль часто презирае-
»ныхъ мною? Нѣшъ, душа моя непобѣдима!
»Успрашивши все любезное въ мѣрѣ, она
»спражденъ лишь воспоминаніемъ о Лей-
»лѣ.

„Она погребена въ волнахъ моря. Ахъ,
„для чего не въ землѣ ея могила! Сіе ис-
„сперзанное сердце, сія душа изспушенная
„искали бы послѣдняго ея убѣжища.
„Леила была существо жизни и свѣта;
„очи мои увидѣли ее, и она сдѣлалась какъ
„бы неопвемлемою часпію моего зрѣнія:
„куда ни обращалъ я взоры, повсюду была
„она свѣпиломъ, неразлучнымъ съ моею па-
„мятью.

„Можно ли удивляться, что упранив-
„шій и счастіе и надежду неуспоялъ про-
„шивъ мрачныхъ мыслей и въ своемъ не-
„исповспѣѣ жаловался на несправедливоспѣ
„судьбины? Можно ли удивляться, что слѣ-
„пое изспушеніе повлекло его къ прона-
„сти злодѣяній? И бояшься ли людей тому,
„у кого сердце расперзано? Падающій съ
„вершины счастія думаетъ ли о глубинѣ
„бездны? Послѣ сихъ признаній дѣла мои
„должны казаться тебѣ, о спарецъ благо-
„честивый, ненавистнѣе оспервенѣлости
„коршуновъ кровожадныхъ; вижу на челѣ
„твоемъ ужасъ, которымъ наполнилась
„душа твоя: мнѣ суждено возбуждать одинъ
„лишь ужасъ въ людяхъ. Такъ, подобно
„хищной ппидцѣ, повсюду слѣды кровопро-
„липія оставлялъ я за собою; но робкая
„глубица научила меня умерепть вѣрнымъ
„первой любви своей. Да слѣдуетъ чело-

»вѣкъ примѣру существъ, имѣ презирае-
»мыхъ: птица воркующая въ кустарникъ,
»лебедь носящійся на чистомъ озерѣ, имѣ-
»ннѣ по одной подругѣ, которыхъ нико-
»гда неоспаляютъ. Легкомысленный съ
»улыбкою жалости смотритъ на постоян-
»ныхъ, неумѣющихъ измѣняться; пускай
»повторяетъ онъ гордя свои насмѣшки,
»незавидую безчисленнымъ его забавамъ,
»и вѣрнаго лебедя предпочитаю сему чело-
»вѣку низкому, чуждому силы душевной.
»Какъ ничтоженъ онъ въ сравненіи съ
»легковѣрною, которую обольстилъ и не-
»медленно оставилъ! Никогда по крайней
»мѣрѣ сего не заслужу я упрека. О Леила!
»всѣ мысли мои тебѣ одной принадлежатъ;
»душа одна была виновницею моего счастья,
»моего злодѣяства, моихъ скорбей и на-
»деждъ моихъ. Въ мірѣ нѣтъ красоты по-
»добной тебѣ, для меня по крайней мѣрѣ
»она несуществуетъ; за всѣ престолы зе-
»мные не рѣшился бы я взглянуть на ту,
»которая подобна была тебѣ, хотя дале-
»ко не равнялась ей своими красотами.
»Преступленія, коими дни юности моей
»осквернились, и сей одрѣ ожидающей меня
»смерщи свидѣтельствуютъ о моей вѣрно-
»сти. Леила была и оспалась навсегда
»любимѣшею мечною души моей.

»Она погибла, и я могъ жить на свѣтѣ!
»Но змія обвилась вокругъ моего сердца и

»любимъ жаломъ своимъ опрaвляла всѣ
»мѣ и мысли ; я возненавидѣлъ всю землю ;
»я желалъ бы укрыться отъ всей природы ;
»всѣ мѣста , прежде восхищительныя , при-
»няли цвѣтъ мрачной души моей . Послед-
»нее тебѣ извѣстно ; ты знаешь всѣ мои
»преступленія и половину моихъ горестей .

»Представь себѣ львицу въ опустошен-
»ной пещерѣ ненашедшую дѣтей своихъ ;
»похищенныхъ звѣроловами ; постарайся
»утолить горестъ сей опчаянной матери :
»предпринимающей утолить мою хочеть
»лишь ругаться надъ моимъ несчастіемъ .
»Во дни юности , въ сіе счастливое время ,
»когда сердце ищетъ другаго сердца , подъ
»прекраснымъ небомъ родины моей я имѣлъ
»друга . . . Прощу тебя переслать къ нему
»сей залогъ первой дружбы нашей . Да
»узнаетъ онъ о моей смерти . Души , по-
»добно моей , объявляя спрaспію , рѣдко
»посвящаютъ мгновенныя мысли отсут-
»ствующей дружбѣ ; со всѣмъ тѣмъ несчаст-
»ное имя мое все еще ему любезно . Онъ
»предсказывалъ судьбу мою ; я улыбался ,
»я могъ улыбаться , когда мудрость вѣчала
»мнѣ его устами . Да воспрещетъ онъ ,
»узнавши , что исполнились его предсказа-
»нія . Скажи ему , что среди мятежной и
»несчастной жизни какъ ни рѣдко сердце
»мое вспоминало о первыхъ годахъ юности

знашей, но что въ послѣднія минуты жизни успа мои благословляли его память. . . . Возврати ему сей перстень, никогда ему же принадлежавшій; опиши ему. . . что видишь передъ собою: измощенное тѣло, безупѣшную душу, слѣды «спрасей опустошительныхъ, засохшее «дерево съ разстѣянными листьями, почернѣвшее отъ палящаго дуновения бури. . . .» (28).

«Извѣстно тебѣ мое имя, благочестивый опщельникъ, извѣстна моя исторія; «тебѣ одному ввѣрилъ я мои горести, и «пы общалъ мнѣ сохранить ихъ въ тайнѣ. Благодарю тебя за слезу великодушнаго соспраданія, пролишую надъ бѣднощю моею; мои холодныя очи никогда «немогли плакать. . . . Похорони меня между безвѣстными мертвецами; да крестъ «одинъ водрузится надъ моей могилой — «другаго памятника не желаю, чтобы «любопытный спранникъ не нашелъ тамъ «моего имени, и дабы ничто немогло оспавнавливашъ при немъ пѣшеходца.»

Онъ умеръ. Монахъ, бывший свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ его жизни, узналъ имя его и пключенія. Намъ удалось собрать предложенные выше опрывки — единственныя извѣстія объ его любезной и о смерти его неприятеля (29).

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

- (25) Монаховъ Турки называютъ *Калобрами* — отъ Греческаго: *καλόβραμι*.
- (26) Рѣчь идетъ здѣсь о птицѣ пеликанѣ, которая служитъ эмблемою мацеринской любви къ дѣтямъ.
- (27) Суевѣрное мнѣніе о предчувствіяхъ господствуетъ въ странахъ Востока. Лордъ Байронъ видалъ тамъ *Дервишей-Тагирей*, которые предсказываютъ будущее по собственному предчувствію, и при томъ споль сильному, что они слышатъ свистъ и шумъ оружія.
- (28) Здѣсь и въ немногихъ другихъ мѣстахъ переводившій долженъ былъ сдѣлать нѣкоторые пропуски.
- (29) Авторъ дѣйствительно слышалъ исторію, подобную предложенной повѣсти, отъ одного изъ нѣхъ разсказчиковъ, которыхъ всегда находить можно въ кофейныхъ домахъ на Востокѣ, и которые стихами и прозою повѣспвуютъ о разныхъ быляхъ и небылицахъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ СХХ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1821.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ДВАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Справа

Проза.

Джууръ.	3
Абидосская Невѣста.	81, 161 и 241

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Справа спявующій Гомеръ.	21
Превращеніе.	28
Островъ.	106
Возрожденіе.	108
Старець.	110
Къ богатому сосѣду.	179
Военный гимнь Грековъ.	258
Пѣснь Греческихъ воиновъ.	260

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

Оригенъ.	30
Путешествіе на богомолье въ Са- винъ Спорожевскій монастырь.	111
О свойствахъ Царя Іоанна Василье- вича.	126 и 184
Выписка изъ иностраннаго жур- нала.	200
Объ упадкѣ древней словесности Греческой.	262
Суздальскій Лѣтописецъ.	274